

Память огненных лет

По-другому не мог

Александр Михайлович Коровников прекрасно помнит свое детство, живо и очень подробно рассказывает о фронтовых дорогах, которые пролегли через Румынию, Болгарию, Венгрию и другие страны.

—А вот что ел сегодня на завтрак, едва ли вспомню,—улыбается он.

вспоминает Александр Михайлович.—Умел столлярничать и плотничать, был краснодеревщиком, валял валенки, делал многое другое. Свое мастерство старался передать мне. Единственное ремесло, которое я не успел освоить,—плетение лаптей.

В тридцатье годы отец по совету деда вошел в колхоз, а вот сам Харитон Вахромович делать

семью и увез на Урал—от греха подальше. Через три месяца отца отпустили, и он присоединился к ним.

Когда началась паспортизация, ни у кого из Коровниковых, кроме дедушки, не было никаких документов. Вновь пришлось срываться с места: возвратились на родину, затем жили в Чистополе, в Киме, в Тенишеве. Вот оттуда и забрали Александра в 1942 году в армию.

—Как сейчас помню,—рассказывает Александр Михайлович,—стою я перед призывной комиссией—маленького роста, весом немногим более сорока килограммов. Члены комиссии разглядывают меня и горестно качают головами: ну какой же из тебя солдат? А инструктор военкомата от этих слов буквально взвился: "Как это "не пригоден"?! Он у нас пришел трехмесячный всеобуч и, выходит, зря?" Так что признали годным...

Новобранцев привезли в город Богородск Новгородской области, в шестой отдельный учебный автомобильный полк. Три месяца длилась строевая подготовка, учились и вождению автомобиля. Затем отправили в Москву, в 127

—Так и отправьте меня домой на печку,—не растерялся новобранец. Но на этом его водительская карьера закончилась. Машину передали другому.

Вскоре Александр Михайлович получил боевое крещение. Станция Валуйки была забита военными зшелонами. В порядке очередности они отправлялись в сторону фронта. Вдруг появились вражеские самолеты и начали бомбить. Передние вагоны набравшего скорость состава пострадали первыми, много солдат погибло. Но на других составах быстро сумели развернуть пушки и открыть огонь по самолетам. Поскольку те шли на бреющем полете, сбили их легко. Двух летчиков, выпрыгнувших с парашютами, поймали и доставили в штаб.

Позднее Александр Михайлович нес службу на аэродроме недалеко от Курской дуги, где развернулось грандиозное сражение. Возвращавшихся с боевого задания летчиков обступали все, кто работал на аэродроме, и расспрашивали, что же там происходит. "Да там ничего не видать, сплошной огонь и дым"—был ответ.

Однажды Александр

Михайлович узнал, что военкомат позаботился о его родных: Леню определили в школу ФЗО при Затоне, младших—в детский дом. На душе как-то стало легче, спокойнее. Но надо было воевать, ведь враг, отступая под натиском наших войск, отчаянно сопротивлялся. Легко на фронте нигде не было, только судьба словно щадила Александра Михайловича, ни одна пуля не смогла достать его. "В рубашке родился",—уверен он.

Будучи в Румынии, совершенно случайно довелось увидеть короля Михая.

—Он был увешан разными орденами аж до самого пупка,—вспоминает ветеран.—Мы подивились: откуда столько в его-то возрасте? Нам объяснили, что все это—королевские регалии, которые передаются из поколения в поколение.

А в Югославии наши солдаты, в числе которых был и Коровников, наблюдали, как Иосип Броз Тито принимал парад своих войск. Вроде бы ничего особенного, но для простого бойца встреча с прославленным руководителем югославского Сопротивления была незабываемым событием.

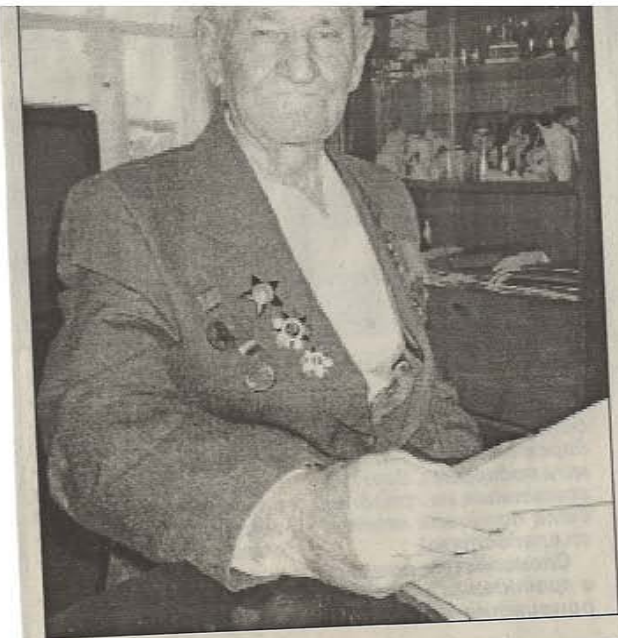
После капитуляции Германии солдаты ожидали, что их пошлют на Дальний Восток, где оставался еще один враг—милитаристская

ной муки.

—На каждой станции к поездам подходили люди и просили продать им немного муки,—рассказывает Александр Михайлович.—Они уже знали, что у каждого из нас она есть. Пока доехали до дому, распродали всю. А что поделаешь, если на тебя с надеждой смотрят голодные люди?

Дома встретили тетку и троюродная сестра. Есть было нечего, и пришлось собирать в поле гнилую и подмерзшую картошку и печь из нее что-то вроде лепешек. Так что было не до положенного месячного отдыха. Сначала порывачил с соседом на его лодке, затем попросился в колхоз. Был и номоном, и плотником, избирался секретарем партбюро колхоза, какое-то время председательствовал. В 1949 году женился, по сей день живет с Валентиной Георгиевной душа в душу. В пятидесятые годы перед заполнением Куйбышевского водохранилища семья переселилась в поселок Приволжский. На пенсию ушел из плотников. На любом месте старался работать на совесть. По-другому просто не мог, не в его это характере—уходить от трудностей и опасностей. Боевые награды—тому свидетельство.

—Нет, не зря мы воевали и трудились,—считает Александр Михайлович.—И пенсия хоро-

Александр Михайлович Коровников прекрасно помнит свое детство, живо и очень подробно рассказывает о фронтовых дорогах, которые пролегли через Румынию, Болгарию, Венгрию и другие страны.

—А вот что ел сегодня на завтрак, едва ли вспомню, — улыбается он.

Но, пожалуй, несколько лукавит ветеран. Поэтому как выглядит бодро, а в глазах горит живой огонек. Не каждый человек, перешагнувший восьмидесятилетний рубеж, испытывающий тяготы военного и послевоенного лихолетья, сохранит такую ясность ума.

...Родители были людьми небогатыми и малограмотными. Жили они в селе Апалиха Саратовской области. Саша был самым старшим среди четверых детей.

—Мой дед Харитон

вспоминает Александр Михайлович. — Умел столарничать и плотничать, был краснодеревщиком, валял валенки, делал многое другое. Свое мастерство старался передать мне. Единственное ремесло, которое я не успел освоить, — плетение лаптей.

В тридцатые годы отец по совету деда вошел в колхоз, а вот сам Харитон Вахромович делать этого не стал. Понятно, что власти не оставляли его в покое, без конца требуя платить какие-то налоги. Однажды дед таинственным образом исчез: уехал, не сказав никому ни слова. Вернулся через год, привезя с собой удостоверение на право вербовать людей в любом конце страны. В то время над семьей Коровниковых нависла беда. В колхозе начался падеж лошадей, которых пас отец Саши. Хотя прямая его вины в том не было, тем не менее взяли под

портизация, ни у кого из Коровниковых, кроме дедушки, не было никаких документов. Вновь пришлось срываться с места: возвратились на родину, затем жили в Чистополе, в Киме, в Тенишеве. Вот оттуда и забрали Александра в 1942 году в армию.

—Как сейчас помню, — рассказывает Александр Михайлович, — стою я перед призывной комиссией — маленького роста, весом немногим более сорока килограммов. Члены комиссии разглядывают меня и горестно качают головами: ну какой же из тебя солдат? А инструктор военкомата от этих слов буквально взвился: «Как это «не пригоден»?! Он у нас прошел трехмесячный всеобщий курс, выходит, зря?» Так что признали годным...

Новобранцев привезли в город Богородск Новгородской области, в шестой отдельный учебный автомобильный полк. Три месяца длилась строевая подготовка, учились и вождению автомобиля. Затем отправили в Москву, в 127 автомобильный батальон. Тут довелось поработать в конвейерном цехе завода имени Сталина (ныне завод имени Лихачева). Один из новеньких ЗИСов достался Коровникову. На этой автомашине его отправили в 22-ю артиллерийскую дивизию резерва главного командования под Москвой. Один из офицеров, пришедших познакомиться с новым составом, с удивлением воззрился на тщедушного Коровникова:

—Ты тоже шофер? Да ведь тебе, милоч, только на печке сидеть да

Вскоре Александр Михайлович получил боевое крещение. Станция Валушки была забита военными эшелонами. В порядке очередности они отправлялись в сторону фронта. Вдруг появились вражеские самолеты и начали бомбить. Передние вагоны набиравшего скорость состава пострадали первыми, много солдат погибло. Но на других составах быстро сумели развернуть пушки и открыли огонь по самолетам. Поскольку те шли на бреющем полете, сбили их легко. Двух летчиков, выпрыгнувших с парашютами, поймали и доставили в штаб.

Позднее Александр Михайлович нес службу на аэродроме недалеко от Курской дуги, где развернулось грандиозное сражение. Возвращавшихся с боевого задания летчиков обступали все, кто работал на аэродроме, и расспрашивали, что же там происходит. «Да там ничего не видать, сплошной огонь и дым», — был ответ.

Однажды Александр Михайлович получил письмо из дома. Написал его младший брат Ленка, которому в ту пору исполнилось семнадцать лет. Он сообщал, что отец пропал без вести, а мать померла. И им очень тяжело и голодно. Солдат читал письмо, сидя на дне окопа, и не мог сдержать слез.

—В чем дело? — спросил проходивший мимо командир, заметив слезы. А пробежав глазами по листку, успокоил: — Не плачь, солдат. Все будет хорошо.

Александр Михайлович

только судьба его не щадила Александра Михайловича, ни одна пуля не смогла достать его. «В рубашке родился», — уверен он.

Будучи в Румынии, совершенно случайно довелось увидеть короля Михая.

—Он был увешан разными орденами аж до самого пупка, — вспоминает ветеран. — Мы подивились: откуда столько в его-то возрасте? Нам объяснили, что все это — королевские регалии, которые передаются из поколения в поколение.

А в Югославии наши солдаты, в числе которых был и Коровников, наблюдали, как Иосип Броз Тито принимал парад своих войск. Вроде бы ничего особенного, но для простого бойца встреча с прославленным руководителем югославского Сопротивления была незабываемым событием.

После капитуляции Германии солдаты ожидали, что их пошлют на Дальний Восток, где оставался еще один враг — милитаристская Япония, которая все эти годы угрожала нашим границам. Однако опять отправили... в Румынию. Еще два года провел на чужбине Александр Михайлович. Перед демобилизацией ему предложили остаться на сверхсрочную.

—На родине сейчас очень тяжело и голодно, — убедил командир, — останься, пережди лихие времена здесь.

Но тянуло домой, ведь там родные люди, с которыми не виделся долгих пять лет. Возвращающимся на родину выдали по мешку ржа-

Дома встретили тетку и троюродная сестра. Есть было нечего, и пришлось собирать в поле гнилую и подмерзшую картошку и печь из нее что-то вроде лепешек. Так что было не до положенного месячного отдыха. Сначала порыбачил с соседом на его лодке, затем попросился в колхоз. Был и конюхом, и плотником, избирался секретарем партбюро колхоза, какое-то время председателемствовал. В 1949 году женился, по сей день живет с Валентиной Георгиевной душой. В пятидесятые годы перед заполнением Куйбышевского водохранилища семья переселилась в поселок Приволжский. На пенсию ушел из плотников. На любом месте старался работать на совесть. По-другому просто не мог, не в его это характере — уходить от трудностей и опасностей. Боевые награды — тому свидетельство.

—Нет, не зря мы воевали и трудились, — считает Александр Михайлович. — И пенсия хорошая, и вниманием не обделены. Нынче вот воду в дом провели. Много ли нам, старикам, надо?

Действительно, наши ветераны невозможного для себя не требуют. Это люди особого склада. Сполна хлебнувшие фронтового лиха, поднявшие из руин страну, но не считающие себя героями, они умеют ценить главное — мир и спокойствие. Вот и нам бы, молодым, научиться этому...

З. Никитича.
Фото Р. Хамидуллина.